Русские самородки

в. 2

Ученые

семенов и др.

И 72/130

II 72
130

РУССКІЕ САМОРОДКИ

ВЪ ЖИЗНЕОПИСАНІЯХЪ И ИЗОБРАЖЕНІЯХЪ

Выпускъ II.

УЧЕНЫЕ

СЕМЕНОВЪ, СКОВОРОДА, ТЕЗИКОВЪ.

ИЗДАНІЕ

Училищнаго при Святѣйшемъ Синодѣ Совѣта.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1910.

РУССКІЕ САМОРОДКИ

ВЪ ЖИЗНЕОПИСАНІЯХЪ И ИЗОБРАЖЕНІЯХЪ.

Выпускъ II.

УЧЕНЫЕ

СЕМЕНОВЪ, СКОВОРОДА, ТЕЗИКОВЪ.

ИЗДАНІЕ

Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Сунодѣ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧ. БИБЛІОТЕКА * РУМЯНЦОВ. МУЗЕЙ *

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Сунодальная типографія
1910.

2007112000

Ѳедоръ Алексѣевичъ Семеновъ,

астрономъ (1794—1860).

Ѳедоръ Алексѣевичъ Семеновъ,

астрономъ (1794—1860).

Когда знаменитаго англійскаго ученаго Ньютона спрашивали, какимъ образомъ дошелъ онъ до своихъ замѣчательныхъ открытій,—онъ скромно отвѣчалъ:
— Посредствомъ постояннаго размышленія надъ ними.

Какъ занимательно все то, что̀ простымъ глазомъ видно ночью на небѣ! И какъ часто пытливый умъ человѣка стремится проникнуть въ тайну этой особой, загадочной жизни вселенной!

Даже для неученаго ясно, что всѣ свѣтила движутся по какимъ-то вѣковѣчнымъ законамъ, что ни одно изъ нихъ не можетъ измѣнить свой бѣгъ. Но узнать, изучить эти законы, а на основаніи ихъ знать и предсказывать то, что̀ въ извѣстное время произойдетъ на небѣ,—можетъ, конечно, не всякій. Этому нужно много учиться, знать много разныхъ наукъ и притомъ имѣть особые приборы, черезъ которые только и возможно наблюдать за свѣтилами. Такіе ученые называются «астрономами», словомъ, взятымъ изъ греческаго языка. «Астрономы» по-русски значитъ—«звѣздочеты», а наука о звѣздахъ, «астрономія», преподается въ высшихъ школахъ.

Но бываютъ случаи, правда, рѣдкіе, когда астрономіей занимаются люди и неученые, не бывшіе ни въ одной школѣ. Отъ природнаго ума, любознательности, упорнаго труда и тѣхъ постоянныхъ размышленій, о которыхъ говорилъ Ньютонъ, зависитъ успѣхъ такихъ астрономовъ-самоучекъ. Къ числу такихъ лицъ принадлежитъ курскій уроженецъ Семеновъ.

Родиной Ѳедора Алексѣевича Семенова былъ Курскъ. Отецъ его, довольно богатый купецъ, торговалъ мясомъ и скотомъ. Недолго пришлось мальчику жить въ довольствѣ и богатствѣ. Не успѣло минуть ему и десяти лѣтъ, какъ отецъ обѣднѣлъ, и недавно еще вполнѣ обезпеченной купеческой семьѣ пришлось узнать нужду. Старикъ Семеновъ не унывалъ и, надѣясь поправить дѣла, продолжалъ торговлю, хотя и въ мелкихъ размѣрахъ. Обучивъ сына грамотѣ, онъ заставилъ его помогать въ торговыхъ дѣлахъ, ѣздить съ приказчикомъ по ярмаркамъ, продавать мясо на рынкѣ.

Сердце Ѳедора не лежало къ этому дѣлу: очень любилъ онъ читать книги.

— Что, дѣдушка, нѣтъ ли книжки почитать?— постоянно приставалъ онъ къ одному старику, у котораго водились книги.

— Ишь ты, какой шустрый!—смѣясь отвѣтилъ старикъ.—Вчера только далъ тебѣ одну, а сегодня подавай новую.

— Да я ее уже, дѣдушка, прочиталъ.

— Ну ладно! Приходи, дамъ,—скажетъ старикъ.

Благодаря этому старику, Ѳедоръ прочиталъ нѣсколько книгъ. Прочитавъ ихъ, сталъ онъ задумываться надъ разными вопросами: изъ чего сдѣлано солнце? почему оно свѣтитъ? что такое луна?

Домъ на Нижнелазаретной (теперь Семеновской) улицѣ, въ которомъ жилъ Ѳ. А. Семеновъ, въ Курскѣ.

отчего бываютъ день и ночь, лѣто и зима? Задумывался онъ и надъ другими явленіями природы, надъ которыми въ ту пору и старики не задумывались. Понятное дѣло, что мальчикъ, постоянно размышлявшій о причинахъ различныхъ явленій природы, казался всѣмъ какимъ-то страннымъ, чуть не глупенькимъ. Когда, бывало, Ѳедоръ спро-

ситъ кого-нибудь, отчего зашло солнце, почему звѣзды бываютъ на небѣ, то это вызывало только удивленіе: вопросъ казался для всѣхъ праздныхъ и глупымъ.

— Да ты, Ѳедька, рехнулся что ли?—отвѣтятъ ему.—Нешто кто знаетъ это? Да и какъ тебѣ въ башку приходитъ это? Эхъ, голова, голова!

А Ѳедоръ все не унимался и постоянно думалъ надъ тѣмъ, надъ чѣмъ не размышляли другіе.

Въ 1804 г. случилось затменіе солнца. Это явленіе происходитъ оттого, что луна становится между солнцемъ и землей, закрываетъ его, и только на землѣ кажется, будто потемнѣло солнце. На самомъ же дѣлѣ солнце постоянно свѣтитъ, даже ночью: только мы не видимъ его, потому-что въ это время оно освѣщаетъ другую половину земного шара. Ученые люди знаютъ, отчего бываетъ затменіе солнца; темный же, неграмотный народъ не знаетъ и думаетъ, что это предвѣщаетъ голодъ, моръ, войну или другія несчастія.

Когда случилось такое затменіе въ Курскѣ, извѣстное дѣло, народъ, не зная, отчего это происходитъ, испугался и сбѣжался на базарную площадь.

— Дяденька, дяденька!—увидавъ, что бѣжитъ народъ, спросилъ бѣжавшаго мужика мальчикъ.—Куда это народъ сбирается?

Мужикъ обернулся, — но побѣжалъ дальше. Такъ и не узналъ Ѳедя, что случилось. Только

къ вечеру услыхалъ онъ, что на базарной площади было видно затменіе солнца. Происшедшій случай очень заинтересовалъ Ѳедора.

— Тятенька,—спросилъ онъ отца,—отчего это затменіе было?

— Ты бы лучше дѣломъ занимался,—отвѣтилъ ему отецъ,—чѣмъ надъ пустяками думать. Какое тебѣ дѣло до затменія? Тебя оно не касается.

И для пущаго назиданія отецъ оттрепалъ сынишку за вихоръ. Но и это не подѣйствовало на Ѳедора. Онъ по-прежнему все задумывался надъ разными предметами, особенно—надъ новымъ для него вопросомъ: отчего произошло затменіе солнца?

Какъ-то попался Ѳедору старый календарь, гдѣ онъ нашелъ описаніе затменій и узналъ, что ученымъ людямъ всегда можно затменіе предугадать. Изъ этой книжки онъ узналъ также, что есть наука, называемая астрономіей, которая объясняетъ, какъ движутся небесныя свѣтила -солнце, луна, звѣзды; изъ чего они состоятъ, какой имѣютъ видъ и т. д. Узнавъ такую новость, мальчикъ захотѣлъ познакомиться съ этой наукой и сталъ искать какихъ-нибудь книгъ по астрономіи. Въ одномъ городѣ, куда Семеновъ ѣздилъ по торговымъ дѣламъ отца, Ѳедоръ услыхалъ, что тамъ живетъ старичокъ, торгующій книгами.

— Нѣтъ ли у васъ книги по астрономіи?— обратился Ѳедоръ къ старику, разыскавъ его.

— Да какъ тебѣ не стыдно, паренекъ, смѣяться надъ старикомъ!—съ укоризной отвѣтилъ торговецъ книгами. — Нешто такія книги есть? Это шутники надъ тобой позабавились и сказали, что есть такія книги по какой-то «астрономіи». Вотъ, сколько лѣтъ живу, а не слыхалъ такого слова.

Опечалился Семеновъ, но не упалъ духомъ. «Ладно»,—думалъ онъ,—«старикъ самъ ничего не понимаетъ. Разъ написано въ календарѣ, что есть такая наука, то и книги по ней дожны быть». И сталъ онъ по-прежнему искать книгъ по астрономіи. Просмотрѣвъ какъ-то разный книжный хламъ у одного торговца книгами на Коренной ярмаркѣ *), Ѳедоръ нашелъ старую растрепанную книгу.

— «Астрономія, сочиненіе французскаго ученаго господина Лаланда»,—прочелъ онъ ея названіе и отъ радости просто глазамъ своимъ не вѣрилъ.

Долго стоялъ онъ надъ нею, все не рѣшался спросить цѣну. «А вдругъ, она стоитъ десять рублей, а то и двадцать»?—думалъ онъ. Наконецъ рѣшился. Торговецъ взялъ книгу въ руку, приподнялъ ее на ладони, словно пробовалъ, сколько вѣситъ она, и запросилъ нѣсколько копеекъ.

---

*) Такъ называлась большая ярмарка, бывавшая ежегодно, въ девятую пятницу послѣ Пасхи и 8 сентября, въ 27 верстахъ отъ Курска, около Коренной пустыни во имя Рождества Богородицы. Въ XVIII вѣкѣ здѣсь были выстроены каменные амбары и склады для товаровъ. Теперь ярмарка перенесена въ Курскъ.

Онъ, очевидно, нашелъ, что книга—легкая. Купилъ Ѳедоръ эту книгу, поспѣшилъ домой и засѣлъ ее читать, да бѣда—ничего въ ней не понимаетъ, такъ какъ прежде, чѣмъ можно понять астрономію, нужно знать нѣсколько другихъ наукъ, называемыхъ—алгеброй, геометріей и тригонометріей.

— «Что дѣлать?»—думалъ парень и рѣшилъ засѣсть сначала за эти науки.

Раздобылъ онъ новыя книги—теперь онъ сдѣлался смѣлѣе съ продавцами—и началъ одолѣвать книжную премудрость. Трудное было дѣло: до всего приходилось своимъ умомъ доходить, надъ иной страницей нѣсколько дней сидѣть. Если бы онъ былъ въ школѣ,—дѣло пошло бы совсѣмъ иначе. Каждый знаетъ, что въ школѣ скоро и легко всему обучаютъ, и что ученики проходятъ разныя науки постепенно, то есть сначала тѣ, которыя полегче, а затѣмъ—тѣ, которыя потруднѣе. Поэтому, читая жизнеописаніе Семенова, каждый пойметъ, почему безъ школы трудно проходить всякія науки, и что неграмотному труднѣе избавиться отъ всякаго горя и нужды въ жизни, чѣмъ грамотному. Всему хорошему учатъ въ школѣ. Объ этомъ писали многіе русскіе поэты. Вотъ, напримѣръ, одно изъ такихъ стихотвореній:

— «Школа... Что такое школа?»—
Внучекъ бабушкѣ твердитъ.
Та на бѣднаго внученка
Изъ-за пряжи не глядитъ...

— «Говорили мнѣ, что учатъ
Въ ней не только по складамъ,
А тому—какъ жить счастливо
Горемыкамъ-бѣднякамъ»...

— «Слушай! Если правда это,
Я хочу ходить туда,
Чтобы мы не знали горя,
Чтобъ не знала насъ нужда»...

Бабка старая не слышитъ,
Знай, прядетъ себѣ, прядетъ,
И не вѣдаетъ глухая,
Что мальчишкѣ въ умъ идетъ

Правда, мальчикъ, правда, милый,
Школа въ руки дастъ намъ кладъ:
Кто ученъ, тотъ и разуменъ,
Кто разуменъ, тотъ богатъ!

Семеновъ лишенъ былъ школы, а потому весь разумъ его былъ только тотъ, который дала ему природа. Но въ немъ было столько настойчивости и терпѣнія, что послѣ долгаго труда онъ, наконецъ, одолѣлъ эти науки, прочиталъ и понялъ всю книгу Лаланда—«Астрономію».

Занятія Ѳедора наукой не встрѣтили въ его родителяхъ сочувствія: люди темные, необразованные, они не понимали пользы науки.

— Ты бы, Ѳедоръ, дѣломъ занялся,—говорили они ему,—чѣмъ книжки-то читать. Толку отъ этого не будетъ!

И вотъ, порѣшили родители «исправить» сына и, чтобъ онъ «остепенился», задумали его женить. Да вотъ бѣда: никто не хотѣлъ отдавать дочери

за Ѳедора. Его считали человѣкомъ празднымъ, лѣнтяемъ. Наконецъ, все-таки невѣста нашлась, и Ѳедоръ уступилъ родителямъ, женился. Родители думали, что онъ теперь броситъ «глупыя занятія», какъ называли они занятія наукой, но, женившись, онъ по-прежнему занимался ею.

Изучивъ астрономію, Семеновъ захотѣлъ самъ наблюдать небесныя свѣтила. Для этого нужны были особыя таблицы, достать которыя онъ нигдѣ не могъ, и разные инструменты. И задумалъ Семеновъ самъ сдѣлать себѣ необходимые инструменты, устроилъ токарный станокъ, изучилъ ремесло,—и работа закипѣла.

Къ этому времени у Ѳедора умеръ отецъ, и онъ сдѣлался полнымъ хозяиномъ. Теперь никто ему не мѣшалъ въ занятіяхъ астрономіей, отчего они пошли много успѣшнѣе. Много принесло ему пользы знакомство съ образованными людьми—купцомъ Воронковымъ, помѣщикомъ Денисовымъ и извѣстнымъ писателемъ Н. А. Полевымъ, тоже вышедшимъ изъ народа. Они помогли Семенову деньгами да умными совѣтами и стали разыскивать необходимыя ему таблицы. Въ поискахъ приняли участіе генералъ Аверинъ, черезъ котораго Семеновъ получилъ изъ Петербурга полезную для него книгу—«Морской Мѣсяцесловъ», и даже курскій губернаторъ, до котораго дошла вѣсть, что въ городѣ есть человѣкъ изъ простого званія, своимъ умомъ достигшій учености. Губернаторъ справился въ Петербургѣ, гдѣ можно достать нужныя таблицы,

но ему отвѣтили, что ихъ въ Россіи получить нельзя. Такъ съ этимъ дѣломъ и пришлось пока примириться.

Послѣ смерти отца, Семеновъ распродалъ имущество и купилъ на вырученныя деньги небольшое имѣніе. Есть нѣсколько наукъ—агрономія, ботаника, почвовѣдѣніе и другія, которыя учатъ, какъ нужно вести хозяйство, чтобы получить изъ него больше денегъ, чтобы земля принесла больше хлѣба и не истощалась. Вотъ эти-то науки и сталъ теперь изучать Ѳедоръ, и дѣло съ имѣніемъ пошло у него великолѣпно.

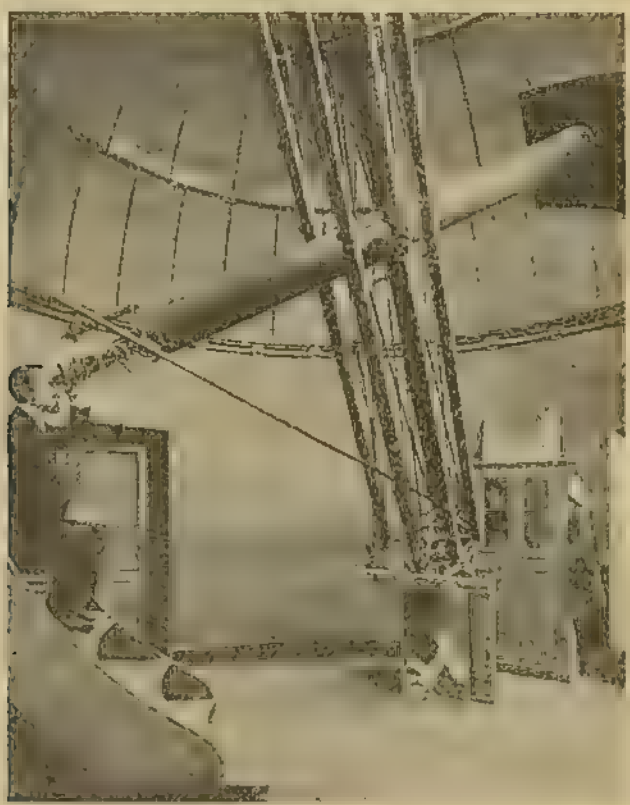
Въ то же самое время Семеновъ задумалъ устроить телескопъ, т. е. такую трубу, чтобы въ нее были видны солнце, луна и звѣзды во всѣхъ подробностяхъ, какъ будто бы они находились недалеко отъ насъ. Трудность устройства такой трубы состоитъ въ томъ, что надо сдѣлать два особыхъ большихъ стекла. Семеновъ не остановился передъ трудностью задуманнаго дѣла и, устроивъ особый станокъ для шлифованья *) стеколъ, принялся за работу. Два года провозился онъ надъ стеклами, наконецъ, окончилъ ихъ и устроилъ трубу, въ которую можно было видѣть горы на лунѣ, пятна на солнцѣ, разсматривать, какъ происходитъ затменіе **), и т. д. Такимъ образомъ, мечта Семенова исполнилась: своимъ умомъ онъ

---

*) «Шлифовать»—значитъ дѣлать гладкимъ.

**) Изображеніе сдѣланнаго Семеновымъ телескопа см. ниже на стр. 16.

достигъ того, что, изучивъ астрономію, узналъ, отчего всѣ небесныя явленія происходятъ, и даже получилъ возможность видѣть ясно, какъ это бываетъ. Вѣсть о трубѣ разошлась по городу. Всѣ жители Курска теперь знали Семенова и горди-



Большой телескопъ въ Парижской обсерваторіи.

лись, что въ ихъ городѣ живетъ такой умный, ученый человѣкъ.

Дорогой цѣной—долгими усиліями и трудами—достигъ Семеновъ извѣстности и даже почета. Припомнимъ, какъ надъ нимъ смѣялись прежде, точно надъ лѣнивымъ, непутевымъ человѣкомъ! Трудами достигается почетъ и уваженіе, и Семеновъ, какъ нельзя лучше, доказалъ это.

Послѣ устройства трубы, Семеновъ поѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ посѣтилъ университетъ. Услыхалъ онъ, какъ профессора объясняютъ науки, и пришелъ въ восхищеніе: все было такъ понятно и просто.

— Эхъ, бѣда, что мнѣ не пришлось поучиться!—говаривалъ Семеновъ.—Куда скорѣе и съ меньшимъ трудомъ я узналъ бы то, что̀ теперь знаю, а мнѣ пришлось до многаго все время доходить, какъ бы ощупью въ темной комнатѣ.

Профессора очень сочувственно отнеслись къ Семенову: они были искренно удивлены, что этотъ простой русскій человѣкъ, не получившій образованія, котораго никто не училъ, — самостоятельно прошелъ разныя трудныя науки. И рѣшили они поддержать такого замѣчательнаго человѣка. Одинъ изъ нихъ, профессоръ Д. Перевощиковъ, подарилъ Семенову тѣ самыя таблицы, которыхъ раньше онъ такъ добивался.

Тронутый участіемъ ученыхъ людей, Семеновъ радостный, полный надеждъ, возвратился въ Курскъ. Вернувшись домой, онъ послалъ въ Петербургъ, въ Академію Наукъ, отчетъ о своихъ занятіяхъ и наблюденіяхъ надъ небесными свѣтилами. Эти наблюденія были признаны очень цѣнными, и Академія, въ поощреніе и въ награду, прислала самоучкѣ-астроному дорого стоющій полный наборъ инструментовъ для астрономическихъ наблюденій, въ которыхъ онъ такъ нуждался. Въ 1842 году Семеновъ, совмѣстно съ профессоромъ Перевощи-

ковымъ, наблюдалъ солнечное затменіе, а черезъ восемь лѣтъ составилъ карту солнечнаго затменія на 16 іюля 1851 года. Эта работа была одобрена разными учеными людьми, и, по докладу министра внутреннихъ дѣлъ, Государь Императоръ Николай Павловичъ, во вниманіе къ ученой дѣятельности Семенова, пожаловалъ ему званіе потомственнаго почетнаго гражданина.

Къ этому времени имя Семенова сдѣлалось извѣстно во всей Россіи. Разныя ученыя общества, какъ, напримѣръ, Русское Географическое, Вольно-Экономическое, Главная физическая обсерваторія *), засвидѣтельствовали свое уваженіе астроному-самоучкѣ. Его труды теперь уже печатались въ разныхъ ученыхъ изданіяхъ и журналахъ. Жители Курска, видя, какимъ почетомъ пользуется имя ихъ земляка, поднесли ему цѣнный подарокъ— разные инструменты для наблюденій надъ небесными свѣтилами. Въ общей складчинѣ удостоили принять участіе Государь Императоръ, Наслѣдникъ Цесаревичъ и великая княгиня Марія Николаевна.

Самоучка-астрономъ былъ растроганъ до слезъ. Выраженіе такого вниманія было ему послѣдней наградой за всѣ лишенія и труды, которые онъ перенесъ прежде, чѣмъ сдѣлался ученымъ.

Въ 1856 году Семеновъ представилъ новый научный трудъ, надъ которымъ работалъ много

---

*) Обсерваторіей называется зданіе, обыкновенно съ высокой башней, откуда ученые дѣлаютъ наблюденія, чрезъ телескопы и другія приспособленія, надъ небесными свѣтилами.

лѣтъ. Теперь онъ точно высчиталъ впередъ, когда будутъ солнечныя и лунныя затменія, и сколько времени они будутъ продолжаться. Расчетъ былъ сдѣланъ имъ на цѣлыхъ 160 лѣтъ. Эта работа носитъ названіе: «Таблица показаній времени солнечныхъ и лунныхъ затменій съ 1840 года

Предметы „Семеновскаго музея", собранные въ Городскомъ Домѣ города Курска ко дню столѣтней годовщины рожденія Ѳ. А. Семенова. (Портретъ Семенова, инструменты, дипломы, телескопъ его работы и др.)

по 2001 годъ». Когда вышелъ этотъ замѣчательный трудъ, всѣ были очень удивлены, что его составилъ не какой-нибудь профессоръ, а простой человѣкъ, который своимъ умомъ добился знанія такихъ мудреныхъ наукъ. За эту работу Семеновъ получилъ почетную награду—золотую медаль.

Григорій Саввичъ Сковорода,

народный мыслитель (1722—1794).

Постоянныя занятія надломили его здоровье. Онъ заболѣлъ и умеръ въ 1860 году.

Въ память своего даровитаго согражданина, Курская городская дума устроила публичную библіотеку, назвавъ ее «Семеновской», а при ней—особую комнату, гдѣ собраны предметы, принадлежавшіе знаменитому астроному-самоучкѣ: его портреты, книги, инструменты, дипломы и т. д. Недавно при Семеновской библіотекѣ устроенъ еще «Научно-подвижной музей», въ который собираются предметы по естественнымъ наукамъ, и собираютъ ихъ большею частью сами учащіеся курскихъ школъ.

Разсказанная нами жизнь Семенова можетъ для всѣхъ послужить примѣромъ того, что трудъ и настойчивость—великая сила, что посредствомъ ихъ можно достигнуть многаго. Мы можемъ вмѣстѣ съ поэтомъ повторить:

Честь и слава всѣмъ трудамъ,
Слава каждой каплѣ пота!
Честь мозолистымъ рукамъ,
Да спорится ихъ работа!

Григорій Саввичъ Сковорода,

народный мыслитель (1722—1794).

«Въ праздникъ, когда молодежь весело гуляла и играла на улицѣ, болѣе пожилые люди любили собраться возлѣ церкви послушать умныя рѣчи бѣднаго странника или его старые, теперь уже забытые, священные стихи—псалмы. И не одни поселяне встрѣчали съ радостью старца Варсавву: во всѣхъ богатыхъ помѣщичьихъ домахъ отъ Харькова до Воронежа, вездѣ онъ былъ дорогимъ гостемъ. Всѣ рады были слушать его поученія. Всѣ уважали его, какъ мудреца, какъ учителя истины. Слушая его, люди задумывались надъ своею жизнью, спрашивали себя, кому они служатъ своими дѣлами: Богу или своему тѣлу, живутъ ли они ради истины, ради правды, или ради однихъ благъ земныхъ?

Кто же былъ этотъ мудрецъ, этотъ странникъ, учитель, называвшій себя старцемъ Варсаввой?—Это былъ Григорій Саввичъ Сковорода, одинъ изъ самыхъ ученыхъ людей своего времени и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самый одинокій, убогій странникъ съ молодыхъ лѣтъ до глубокой старости».

Изъ одного жизнеописанія Сковороды.

Миновало больше ста лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ въ Малороссіи жилъ первый русскій философъ *), Григорій Саввичъ Сковорода. Вся его жизнь состояла въ томъ, что онъ въ простой одеждѣ, съ посохомъ и котомкой ходилъ изъ одного селенія въ другое, изъ одной панской **) усадьбы въ другую, и поучалъ народъ тому, какъ

*) Философъ—слово греческое и буквально значитъ «любитель мудрости». Философами называли вообще мудрецовъ, мыслителей, такихъ ученыхъ, которые задумывались надъ вопросами о Божествѣ, о мірѣ, о назначеніи человѣка, объ отношеніи человѣка къ природѣ и другимъ людямъ и т. д.—и давали отвѣты на эти вопросы.

**) Т. е. помѣщичьей.

нужно жить по справедливости, по-божески. Называлъ онъ себя просто старцемъ «Варсаввой» и не любилъ говорить о себѣ, о своемъ прошломъ. Въ то время его часто можно было видѣть на распутьяхъ, на базарахъ, на кладбищахъ и церковныхъ папертяхъ. Такъ просвѣщалъ онъ людей, училъ правдѣ. Иногда онъ садился при дорогѣ и игралъ на дудкѣ-свирѣли свои задушевныя пѣсни, или священные псалмы, имъ же самимъ переложенные въ стихи.

И теперь нерѣдко можно встрѣтить въ Малороссіи слѣпцовъ-бандуристовъ, которые, какъ и Сковорода, ведутъ странническую жизнь и кормятся тѣмъ, что распѣваютъ сочиненныя имъ пѣсни или разсказываютъ его притчи и басни. Такимъ образомъ, умеръ Сковорода, но не умерли его мудрыя творенія. Переходя изъ устъ въ уста «божьихъ людей», какъ называютъ обыкновенно странниковъ, они живутъ и теперь, и народъ такъ же, какъ сто слишкомъ лѣтъ назадъ, со вниманіемъ слушаетъ ихъ.

Что же за человѣкъ былъ этотъ философъ Сковорода, откуда онъ былъ родомъ, гдѣ самъ учился, и чему онъ училъ народъ?

Родился онъ въ селѣ Чернухахъ Полтавской губерніи въ 1722 г. Родители его были простые казаки, люди добрые, честные и, несмотря на свою бѣдность, гостепріимные. Вслѣдствіе этого они пріобрѣли всеобщее уваженіе сосѣдей. Любимымъ занятіемъ мальчика была музыка и чтеніе. Весной

онъ уходилъ въ лѣсъ, дѣлалъ себѣ сопѣлку *) и наигрывалъ на ней разныя пѣсни, чаще всего подбиралъ тѣ священныя пѣснопѣнія, которыя слышалъ въ церкви, или же просто пѣлъ ихъ, перекладывая въ стихи. Мало по малу онъ такъ усовершенствовалъ свою свирѣль, что могъ передавать на ней голоса пѣвчихъ птицъ. Здѣсь, въ лѣсу, среди тихо журчащихъ ручейковъ, нѣжно шумящихъ деревьевъ, среди пѣнія птицъ, отрокъ Григорій научился думать, размышлять, сосредоточивать свою мысль на возвышенныхъ предметахъ. И здѣсь-то пробудилась любознательность малолѣтняго отшельника: ему захотѣлось узнать, какъ все въ мірѣ устроено Премудрымъ Творцомъ и для чего все это устроено.

И когда Гришу отдали въ сельскую школу, онъ съ жаромъ принялся за ученіе. Видя эту страсть къ наукѣ, отецъ отдалъ сына въ тогдашнюю высшую школу Малороссіи—Кіевскую Духовную Академію, откуда выходили городскіе священники, іеромонахи и архіереи. Своимъ острымъ умомъ и рѣдкими спссобностями Григорій скоро превзошелъ здѣсь всѣхъ учениковъ. Въ это время вступила на престолъ Императрица Елизавета Петровна, любившая музыку. И вотъ, для пополненія свѣжими голосами придворнаго хора, особенно пѣвчими изъ малороссовъ, которые, какъ извѣстно, издавна отличаются музыкальными способностями,—

*) Свирѣль, дудка, обыкновенно изъ ствола бузины.

пріѣхали въ Кіевъ изъ Петербурга назначенные для этого люди. Въ числѣ пѣвчихъ былъ принятъ въ придворный хоръ и Сковорода. Онъ былъ выбранъ по указанію управляющаго академическимъ хоромъ, съ перваго раза обратившаго вниманіе на чудный голосъ и удивительный слухъ Григорія. Въ Петербургѣ Сковорода пробылъ около двухъ лѣтъ. Въ это время онъ сложилъ особый напѣвъ для Херувимской пѣсни,—который долго послѣ него держался въ сельскихъ церквахъ на Украйнѣ, а также—торжественные напѣвы для церковной пѣсни «Христосъ Воскресе» и для Пасхальнаго канона «Воскресенія день», которыми вскорѣ стали пользоваться въ церквахъ всей Россіи.

Но не по себѣ чувствовалось въ столицѣ молодому Сковородѣ: петербургская жизнь его не привлекала. Его тянули къ себѣ и родина, и наука. Поэтому когда въ 1774 г. Императрица прибыла въ Кіевъ со своими придворными пѣвчими, чтобы поклониться святымъ мощамъ печерскихъ угодниковъ Сковорода по своей просьбѣ получилъ отставку съ чиномъ «придворнаго уставщика» *) и поступилъ снова въ духовную академію. Здѣсь онъ изучилъ еврейскій, греческій и латинскій языки, математику, богословскія науки и много упражнялся въ краснорѣчіи, то есть искусствѣ назидательно и увлекательно говорить проповѣди въ церкви.

---

*) Завѣдывающій порядкомъ въ чтеніи и пѣніи на клиросѣ. «Уставщики» носили особое праздничное платье.

Вслѣдствіе его успѣховъ, кіевскій митрополитъ предложилъ ему мѣсто священника, но Сковорода отказался: онъ считалъ себя еще мало знающимъ и думалъ о поѣздкѣ за границу, куда попасть ему скоро представился случай.

Произошло это такимъ образомъ. Русское правительство послало въ Венгрію генералъ-маіора Вишневскаго, который для находившейся тамъ православной церкви искалъ молодыхъ людей, хорошо знающихъ пѣніе. Сковорода предложилъ ему свои услуги, тотъ ихъ принялъ, и они скоро близко сошлись. Генералъ Вишневскій разрѣшилъ ему побывать во многихъ городахъ Венгріи и Австріи, посѣтить столицу нынѣшней Австро-Венгріи—Вѣну, причемъ помогъ деньгами. Затѣмъ, когда Вишневскій вернулся въ Россію, то Сковорода, очутившись безъ средствъ, пѣшкомъ побывалъ въ Римѣ, Пруссіи и Польшѣ, познакомился со многими учеными людьми, а вмѣстѣ съ тѣмъ увидѣлъ и жизнь простого народа. Говорилъ онъ на нѣсколькихъ языкахъ и, благодаря своимъ способностямъ, скоро могъ изучить совершенно для него новый языкъ.

И вотъ, обогащенный знаніями и опытомъ, онъ вернулся на родину. «Какъ забилось сердце его»,—говоритъ одинъ писатель, хорошо знавшій нашего философа,—«когда онъ издали увидѣлъ деревянную колокольню родимой своей деревушки! Вербы, посаженныя на отеческомъ дворѣ тогда, когда онъ былъ еще ребенкомъ, распростирали

свои вѣтки по крышѣ хижины. Онъ шелъ мимо кладбища... Тутъ большое число новыхъ крестовъ бросало длинныя тѣни».

— «Можетъ быть, многихъ»,—думалъ онъ,— «теперь заключаетъ въ себѣ мракъ могилы».

«Онъ перескочилъ черезъ ограду, переходилъ съ могилы на могилу, пока, наконецъ, поставленный въ углу камень показалъ ему, что уже нѣтъ у него отца... Онъ узналъ, что всѣ его родные переселились въ царство мертвыхъ, кромѣ одного брата, коего пребываніе ему было неизвѣстно».

Тогда Сковорода снова взялъ свой странническій посохъ и отправился въ Харьковъ. Здѣсь онъ нѣсколько времени прожилъ у своихъ пріятелей, пока ему не далъ мѣста учителя въ Переяславлѣ тамошній епископъ, преосвященный Никодимъ. Въ Переяславлѣ Сковорода написалъ сочиненіе «Руководство о поэзіи», но на мѣстѣ долго не удержался и поступилъ преподавателемъ къ сыну одного помѣщика. Онъ такъ умѣло велъ занятія и сумѣлъ возбудить въ своемъ ученикѣ такой интересъ къ ученію, что тотъ очень полюбилъ его. Но и тутъ Сковорода прожилъ недолго. Какъ-то разъ, разсерженный грубымъ отвѣтомъ ученика, онъ замѣтилъ ему, что тотъ думаетъ, «какъ свиная голова». Гордый помѣщикъ возмутился такими словами и прогналъ его. Послѣ этого Сковорода побывалъ и въ Москвѣ, и въ Троице-Сергіевой Лаврѣ, гдѣ одинъ ученый монахъ, по имени Кириллъ, настойчиво уговаривалъ Сковороду

остаться въ лаврѣ для пользы тамошняго училища. Но Сковороду привлекала больше всего, какъ мы видимъ, странническая жизнь, и онъ отдался ей, зная, что, все равно, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ затоскуетъ въ лаврѣ и станетъ рваться куда-нибудь въ дальній путь.

— «Добрый человѣкъ вездѣ найдетъ насущный хлѣбъ и людей»,—говорилъ онъ, не задумываясь о томъ, что у него ничего не было,—«а воду дастъ мнѣ земля безъ платы. Лишнее не нужно».

Между тѣмъ слава объ учености и сочиненіяхъ Сковороды, хотя онъ никогда не печаталъ ихъ, росла. Онъ пріобрѣталъ всеобщее уваженіе и любовь. Прогнавшій его помѣщикъ, при новой встрѣчѣ съ нимъ, пригласилъ его къ себѣ, и Сковорода прожилъ у него нѣкоторое время въ деревнѣ, гдѣ на свободѣ предавался размышленіямъ и писалъ свои поученія. «Рано утромъ заря была ему спутницей, а дубравы собесѣдниками»,—говорилъ про него одинъ современникъ. Но скоро онъ былъ вызванъ изъ своего уединенія епископомъ бѣлгородскимъ Іоасафомъ, который въ 1759 году сдѣлалъ его учителемъ въ Харьковѣ.

Очень своеобразную жизнь велъ Сковорода въ это время Спалъ онъ только четыре часа въ сутки, вставалъ до зари и пѣшкомъ отправлялся за городъ гулять, пищу ѣлъ самую простую, изъ овощей, такъ какъ мяса не употреблялъ, и былъ «веселъ, бодръ, подвиженъ, воздержанъ, благодушенъ, словоохотливъ». Черезъ годъ епископъ уго-

варивалъ его постричься въ монахи, но Сковорода отказался: вѣдь онъ и такъ велъ подвижническую, суровую жизнь, а отъ свободы жить тамъ, гдѣ ему вздумается, онъ отказаться не могъ. Навсегда остаться за стѣнами монастыря ему представлялось чѣмъ-то очень тяжелымъ. И вотъ онъ снова пошелъ странствовать. Оставаясь въ мірѣ, Сковорода велъ монашескую жизнь, такую, о какой онъ самъ проповѣдывалъ людямъ. «Монашество»,—училъ онъ,—«состоитъ въ жизни убогой, нестяжательной, въ довольствѣ малымъ, въ воздержаніи отъ всего ненужнаго,—дабы пріобрѣсти всенужнѣйшее, т. е. самое нужное, въ отверженіи всѣхъ прихотей,—дабы сохранить душу свою въ цѣлости; въ обузданіи самолюбія,—дабы удобнѣе выполнять заповѣдь любви къ ближнему, въ исканіи славы Божіей, а не человѣческой». И это свое возвышенное ученіе онъ воплотилъ въ своей жизни, служа для всѣхъ яркимъ примѣромъ.

Странствуя по Малороссіи, Григорій Саввичъ поучалъ людей, какъ надо жить въ мирѣ и любви, разсказывалъ имъ изъ Священнаго Писанія, какъ жили праведные люди, о страданіяхъ Господа нашего Іисуса Христа за все человѣчество. Вокругъ него всегда собирались толпы слушателей, и всякій считалъ себѣ за честь, если въ его домѣ останавливался Сковорода. Подарками, которые ему всѣ наперерывъ предлагали, онъ могъ бы составить огромное состояніе, но отъ нихъ онъ отказывался, говоря простыя и полныя смысла слова:

— «Дайте неимущему»!

Все его имущество составляли поношенная свитка, сапоги про запасъ, посохъ и котомка. Несмотря на старость, Григорій Саввичъ оставался ребенкомъ въ душѣ. О завтрашнемъ днѣ онъ не заботился и всѣ деньги, которыя получалъ отъ настойчивыхъ благодѣтелей, сейчасъ же раздавалъ «неимущимъ», какъ самъ говорилъ. Между тѣмъ у него самого не было въ котомкѣ ничего, кромѣ свирѣли, нѣсколькихъ тетрадей собственныхъ сочиненій и Библіи; съ нею Сковорода никогда не разставался. Жилъ онъ обыкновенно у знакомыхъ помѣщиковъ, но не въ ихъ домѣ, а на пасѣкѣ, съ любимой собакой. Здѣсь, среди цвѣтущихъ деревьевъ, гдѣ-нибудь на берегу рѣчки или пруда, онъ сидѣлъ цѣлыми часами на одномъ мѣстѣ и размышлялъ. Размышлялъ онъ по поводу всего, что̀ приходилось ему видѣть «въ мірѣ», т. е. въ то время, когда онъ находился среди людей. Нечего и говорить, что размышленія эти были печальны. Какъ передаетъ одно изъ жизнеописаній Сковороды, еще во время заграничныхъ странствованій онъ замѣтилъ, что «не у насъ только, но и вездѣ, богатому поклоняются, а бѣднаго презираютъ; видѣлъ, какъ глупость предпочитаютъ уму, какъ шутовъ награждаютъ, а заслуга питается подаяніемъ, какъ развратъ нѣжится на мягкихъ пуховикахъ, а невинность томится въ мрачныхъ темницахъ».

Чтобы лучше понять и оцѣнить характеръ

Сковороды, приведемъ нѣсколько случаевъ изъ его жизни, рисующихъ его отношенія къ людямъ.

Однажды онъ былъ въ Харьковѣ, гдѣ въ то время губернаторомъ служилъ Щербининъ, большой любитель музыки. Онъ страшно хотѣлъ познакомиться со Сковородой. Разъ губернаторъ ѣхалъ въ пышномъ экипажѣ съ гайдуками *) и увидѣлъ сидѣвшаго у гостинаго двора Сковороду. Губернаторъ послалъ къ нему сопровождающаго его офицера.

— Васъ требуетъ къ себѣ его превосходительство.

— Какое превосходительство?—спросилъ спокойно Сковорода.

— Господинъ губернаторъ.

— Скажите ему, что мы незнакомы,—такъ же невозмутимо, какъ и раньше, отвѣтилъ Сковорода.

Офицеръ передалъ этотъ отвѣтъ губернатору, и тотъ послалъ его вторично.

— Васъ проситъ къ себѣ Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ,—вѣжливо сказалъ Сковородѣ адъютантъ.

— А,—отвѣтилъ тотъ—объ этомъ слыхалъ. Говорятъ, добрый человѣкъ и музыкантъ.

И, снявъ шапку, онъ подошелъ къ губернатору, съ которымъ скоро подружился, и затѣмъ

---

*) Нарядно одѣтые слуги, съ которыми въ старое время выѣзжали сановники и помѣщики.

запросто бывалъ у него. Не разъ Щербининъ говорилъ Сковородѣ, чтобы тотъ согласился взять какое-нибудь мѣсто, но тотъ упорно отказывался, говоря, что онъ неспособенъ долго жить на одномъ мѣстѣ, да къ тому же онъ можетъ принести гораздо большую пользу людямъ во время своихъ странствованій, утѣшая и просвѣщая ихъ.

Впрочемъ, о своей дѣятельности Сковорода былъ самаго скромнаго мнѣнія. Однажды какой-то молодой человѣкъ, нахватавшійся верховъ науки и ставшій безбожникомъ, началъ смѣяться надъ Сковородой и сказалъ ему: «Жаль, что, обучившись такъ хорошо, ты живешь, какъ сумасшедшій, безъ цѣли и пользы для отечества». Тогда Сковорода отвѣтилъ:

— Ваша правда. Я до сихъ поръ еще не сдѣлалъ пользы, но, надобно сказать, не сдѣлалъ и никакого вреда. Но вы, сударь, безбожіемъ вашимъ уже много сдѣлали зла. Человѣкъ безъ вѣры есть ядовитое насѣкомое въ природѣ!

Благодаря своей скромности, Сковорода былъ крайне застѣнчивъ. Одинъ его другъ разсказывалъ, что когда Сковорода жилъ у какого-то помѣщика, и къ нему понаѣхало много людей, чтобы познакомиться съ философомъ, тотъ незамѣтно ушелъ въ сарай и пролежалъ въ кибиткѣ, пока всѣ гости не уѣхали.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что жизнь Сковороды была праздна, но это не такъ. «Правда, что праздность потяжелѣе горъ Кав-

казскихъ»,—говорилъ самъ Сковорода.—«Такъ развѣ только и дѣла человѣку, что продавать да покупать, жениться, тягаться по судамъ, портняжить, строиться да ловить звѣрей? Вотъ въ этомъ и видна бѣдность нашей души, что мы погрузили все наше сердце въ пріобрѣтеніе міра и въ море тѣлесныхъ надобностей: за ними не имѣемъ времени вникнуть внутрь себя, очистить и поврачевать душу нашу, главную госпожу тѣла нашего. Забыли мы себя, угождаемъ одному тѣлишку нашему, о немъ печемся день и ночь». Пренебрегая же благами жизни, Сковорода и посвятилъ себя врачеванію своей души и душъ ближнихъ. Это занятіе не захотѣлъ онъ оставить и тогда, когда сама Императрица Екатерина II, наслышавшись о его учености, пригласила его въ Петербургъ. Сковорода спокойно отвѣтилъ посланному:

— «Скажите Матушкѣ-Царицѣ, что я не покину родины».

Послѣднее время своей жизни Сковорода прожилъ въ имѣніи своего друга Коваленскаго, въ Орловской губерніи. Старость и скитальческая жизнь, переходы съ одного мѣста на другое въ морозъ и въ лѣтній зной разстроили здоровье Сковороды. Онъ чувствовалъ приближеніе смерти и захотѣлъ умереть на родинѣ, въ Малороссіи. Старикъ простился съ Коваленскимъ и отправился въ путь. Придя пѣшкомъ, въ осеннюю слякоть, на родину, онъ остановился у другого знакомаго помѣщика, оставившаго намъ описаніе его смерти.

Однажды послѣ обѣда Сковорода ушелъ въ садъ и не являлся до вечера. Тогда хозяинъ пошелъ его разыскивать и сквозь чащу деревьевъ увидалъ его, рывшаго заступомъ яму.

— Что это, другъ Григорій? Чѣмъ это ты занятъ?—спросилъ онъ Сковороду.

— Пора, другъ, кончить странствованіе,—отвѣчалъ тотъ:—и такъ всѣ волосы слетѣли съ бѣдной головы отъ истязаній. Пора успокоиться.

— И, братъ, пустое... Полно шутить. Пойдемъ!

— Иду, но я буду прежде просить тебя, мой благодѣтель, пусть здѣсь будетъ моя могила.

Они пошли въ домъ. Сковорода удалился въ свою комнату, перемѣнилъ бѣлье, помолился Богу и, подложивъ подъ голову свои сочиненія и накрывъ ихъ свиткой, легъ, сложивъ руки крестъ на-крестъ. Когда на другой день хозяинъ, обезпокоенный его долгимъ отсутствіемъ, вошелъ къ нему, то увидѣлъ уже холодный трупъ...

Его другъ Коваленскій написалъ въ честь его стихотвореніе, въ которомъ говоритъ о немъ:

Ревнитель истины, духовный богочтецъ *),
И словомъ, и умомъ, и жизнію мудрецъ;
Любитель простоты и истинной свободы,
Безъ лести другъ прямой, довольный всѣмъ всегда,—
Достигъ на верхъ наукъ, познавши духъ природы,
Достойный для сердецъ примѣръ, Сковорода.

*) Т. е. человѣкъ, который чтитъ въ душѣ своей Бога.

Послѣ Сковороды осталось много сочиненій, въ которыхъ онъ писалъ о томъ же, о чемъ устно училъ во время своихъ странствованій. А училъ онъ, что русскому народу нужно образованіе, и образованіе свое, родное. Знанія сдѣлаютъ людей хорошими, такъ какъ помогутъ имъ узнать, въ чемъ истинное счастье. «Нѣтъ слаще для человѣка и нѣтъ нужнѣе для человѣка, какъ счастье»,—говорилъ Сковорода,—«счастье въ сердцѣ, сердце въ любви, любовь же—въ законѣ Вѣчнаго». Вотъ объ этомъ-то законѣ любви, данномъ Богомъ, и напоминалъ постоянно Сковорода людямъ. И кто исполняетъ въ своей жизни этотъ законъ, тотъ и будетъ счастливъ. Поэтому Сковорода высоко ставилъ въ человѣкѣ разумъ. Разумъ, по его словамъ, это—украшеніе человѣка, такъ какъ часто онъ является Божественной Премудростью въ нашемъ сердцѣ. И кто изъ людей больше надѣленъ разумомъ, тотъ справедливѣе и лучше живетъ, у того и совѣсть чиста. И Сковорода всѣмъ совѣтовалъ развивать въ своей душѣ разумъ и любовь, которые дадутъ прочное, истинное счастье, а не скоропреходящее счастье въ видѣ благъ земныхъ.

Для образца приведемъ нѣкоторыя изъ его пѣсенъ и басенъ. Онѣ сочинены на малорусскомъ языкѣ, но не вполнѣ чистомъ; въ нихъ много великорусскихъ словъ, а потому языкъ пѣсенъ и басенъ Сковороды, за исключеніемъ нѣсколькихъ словъ, будетъ понятенъ и для тѣхъ, кто не знаетъ малорусскаго языка.

Не пойду въ городъ богатый,
Буду по полямъ я жить.
Буду вѣкъ мой коротати,
Гдѣ время тихо бѣжитъ.
О дубрава! О зелена!
О мать моя родна!
Въ тебѣ—жизнь увеселенна,
Въ тебѣ—покой, тишина.
Города славны, высоки
На море печали пхнутъ *),
Ворота красны, широки
Въ неволю горьку ведутъ.
О дубрава! О зелена.
О мать моя родна!
Въ тебѣ—жизнь увеселенна
Въ тебѣ—покой, тишина.

Въ другой пѣснѣ Сковорода такъ изображаетъ человѣческую жизнь:

Всякому городу нравъ и права,
Всяка имѣетъ свой умъ голова,
Всякому сердцу своя есть любовь,
Всякому сердцу свой вкусъ есть каковъ.
А мнѣ одна только на свѣтѣ дума,
А мнѣ одно только нейдетъ съ ума.
Петръ для чиновъ углы пански **) третъ,
Ѳедька-купецъ при аршинѣ все лжетъ.
Тотъ строитъ домъ свой на новый манеръ,
Тотъ все въ процентахъ: пожалуй, повѣрь!
А мнѣ одна только на свѣтѣ дума,
А мнѣ одно только нейдетъ съ ума.

*) Т. е. толкаютъ человѣка въ море печали.

**) Т. е. господскіе. Мы сказали бы: «обиваетъ пороги барскихъ домовъ».

Тотъ непрестанно стягаетъ грунта *),
Сей иностранны заводитъ скота.
Тѣ собираютъ на ловлю собакъ,
Сихъ шумитъ домъ отъ гостей, какъ кабакъ.
А мнѣ одна только на свѣтѣ дума,
А мнѣ одно только нейдетъ съ ума.
Строитъ на свой тонъ юриста **) права.
Съ диспутъ ***) студенту трещитъ голова.
Тѣхъ безпокоитъ Венеринъ Амуръ ****),
Всякому голову мучитъ свой дурь.
А мнѣ одна только на свѣтѣ дума,
Какъ бы не умереть мнѣ безъ ума.
Смерть страшна, замашная косо *****)!
Ты не щадишь царскихъ волосовъ,
Ты не глядишь, гдѣ мужикъ, а гдѣ царь.
Все пожрешь такъ, какъ солому пожаръ.
Кто-жъ плюетъ на ея острую сталь?—
Тотъ, чья совѣсть, какъ чистый хрусталь ******).

Эта пѣсня такъ нравится малороссамъ, что они и до сихъ поръ распѣваютъ ее, мало даже измѣняя отдѣльныя, не вполнѣ, быть можетъ, и вразумительныя слова.

Въ басняхъ Сковороды содержатся разныя поученія. Приведемъ двѣ изъ нихъ. Первая озаглавлена «Чижъ и Щеголъ». Вылетѣвъ на волю

---

*) Т. е. пріобрѣтаетъ землю.

**) Т. е. человѣкъ, вѣдающій законы, законовѣдъ.

***) Т. е. послѣ ученаго спора.

****) Венера—богиня любви у древнихъ римлянъ, Амуръ—ея сынъ.

*****) Т. е. коса, которой смерть какъ бы «замахивается» на человѣческую жизнь.

******) Послѣдняя мысль значитъ слѣдующее: тотъ, у кого совѣсть чиста, подобно хрусталю, не боится смерти и ея острой косы.

изъ клѣтки, Чижъ встрѣтился съ давнимъ своимъ товарищемъ—Щегломъ, который его спросилъ: «Какъ ты, другъ мой, освободился?.. Разскажи мнѣ».—«Чуднымъ случаемъ»,—отвѣчалъ недавній плѣнникъ.—«Богатый турокъ пріѣхалъ съ посланникомъ въ нашъ городъ и гулялъ изъ любопытства по рынку, въ которомъ насъ около четырехъ сотенъ висѣло въ клѣткахъ у одного хозяина. Турокъ долго смотрѣлъ на насъ, какъ мы одинъ передъ другимъ пѣли, съ сожалѣніемъ, наконецъ, сказалъ: «а сколько просишь денегъ за всѣхъ?»—«Двадцать пять рублей»,—отвѣчалъ хозяинъ. Не говоря ни слова, турокъ вынулъ деньги и велѣлъ себѣ подавать по одной клѣткѣ. Затѣмъ онъ сталъ каждаго изъ насъ выпускать на волю въ разныя стороны и съ умиленіемъ смотрѣлъ, куда мы разлетѣлись».—«А что-жъ тебя,»—спросилъ товарищъ,—«занимало въ неволѣ?»—«Сладкая пища, да красная клѣтка»,—отвѣчалъ счастливецъ.—«А теперь, пока не умру, буду благодарить Бога этою пѣсенкою:

«Лучше мнѣ сухарь съ водою,
Нежели сахаръ да съ бѣдою».

Другую басню мы приведемъ въ томъ видѣ, въ какомъ она написана самимъ Сковородою. Это—«Оленица и Кабанъ».

«Въ польскихъ и венгерскихъ городахъ Оленица, увидѣвъ домашняго Кабана»: «желаю здравствовать, господинъ Кабанъ»,—стала ви-

таться *), «радуюся, что васъ»...—«Что же ты, негодная подлость, столько не учтива?»—вскричалъ надувшись Кабанъ.—«Почему ты меня называешь Кабаномъ? Развѣ не знаешь, что я пожалованъ Бараномъ, въ семъ имѣю патентъ **), и что родъ мой происходилъ отъ самыхъ благородныхъ Бобровъ, а вмѣсто епанчи ***) для характера ношу содранную съ овцы кожу».—«Прошу простить, ваше благородіе,»—сказала Оленица,—«я не знала. Мы, простые, судимъ не по убору и словамъ, но по дѣламъ. Вы такъ же, какъ прежде, роете землю и ломаете плетень. Дай Богъ вамъ быть и Конемъ»! Есть въ Малороссіи и пословица: «далеко Свиньѣ до Коня».

Свои поученія Григорій Саввичъ говорилъ простымъ языкомъ, понятнымъ для народа, но въ то же время—языкомъ красивымъ, чтобы слушатели лучше запомнили его наставленія, чтобы ихъ пріятнѣе было имъ слушать. Конечно, въ наше время языкъ Сковороды покажется тяжелымъ и не всегда понятнымъ, но не забудемъ, что это было очень давно, когда и языкъ много отличался отъ нынѣшняго. Для примѣра, приведемъ еще поученіе Сковороды, озаглавленное: «Начальная дверь къ Христіанскому добронравію».

«Благодареніе Блаженному Богу о томъ, что нужное сдѣлалъ Онъ нетруднымъ, а трудное ненужнымъ!

---

*) Т. е. привѣтствовать.

**) Т. е. свидѣтельство.

***) Епанча—широкій, длинный плащъ безъ рукавовъ.

Нѣтъ слаще для человѣка и нѣтъ нужнѣе, какъ счастье: нѣтъ же ничего и легче сего. Благодареніе Блаженному Богу!

Царствіе Божіе — внутри насъ. Счастье—въ сердцѣ, сердце—въ любви, любовь же въ законѣ Вѣчнаго. Сіе есть непрестающее вёдро и не заходящее солнце, тьму сердечныя бездны просвѣщающее. Благодареніе Блаженному Богу!

Что было бы тогда, если бы счастье, пренужнѣйшее и любезнѣйшее для всѣхъ, зависѣло отъ мѣста, отъ времени, отъ плоти и крови? Скажу яснѣе: что было бы тогда, если бы счастье заключилъ Богъ въ Америкѣ, или въ Канарскихъ островахъ, или въ Іерусалимѣ, или въ царскихъ чертогахъ, или въ Соломоновомъ вѣкѣ, или въ богатствахъ, или въ пустынѣ, или въ чинѣ, или въ наукахъ, или въ здравіи?... Тогда бы и счастье наше, и мы съ нимъ были бѣдны. Кто бы могъ добраться къ тѣмъ мѣстамъ? Какъ можно родиться всѣмъ въ одномъ какомъ-нибудь времени? Какъ же и помѣститься въ одномъ чинѣ? Какое же то и счастье, утвержденное на пескѣ плоти, на ограниченномъ мѣстѣ и времени, на смертномъ человѣкѣ? Не сіе ли есть трудное? Ей, трудное и невозможное. Благодареніе Блаженному Богу, что трудное сдѣлалъ ненужнымъ!

Нынѣ желаешь ли быть счастливымъ?—Не ищи счастья за моремъ, не проси его у человѣка, не странствуй, не влачись по дворцамъ, не ползай по шару земному... Златомъ можешь купить

деревню, вещь трудную, яко необходимую; а счастье, яко необходимая надобность, туне *) вездѣ и всегда даруется. Воздухъ и солнце всегда съ тобою, вездѣ и туне: все же то, что̀ бѣжитъ отъ тебя прочь, знай, что оно—чуждое, и не почитай за твое все то чужое и лишнее. Что же тебѣ нужды?—Потому-то оно и трудно. Никогда бы оно отъ тебя ни разлучалось, если бы было необходимо. Благодареніе Блаженному Богу: счастье ни отъ небесъ, ни отъ земли!

Что же есть для тебя нужное?—То, что̀ самое легкое. А что же есть легкое?—О, другъ мой, все трудное и тяжелое есть горькое, и злое, и лживое. Однако что есть легкое?—То, другъ мой, что нужное. Что же есть нужное?—Нужное есть только одно: «*Едино есть на потребу*» **).

Одно только для тебя есть нужное, одно же только и благое, и легкое, а прочее все—трудъ и болѣзнь. Что же есть оное *единое*?—Богъ. Вся тварь есть рухлядь, смѣсь, сѣчь, ломъ и плоть: и то, что̀ любезно и потребно, есть едино, вездѣ и всегда. Но сіе едино все горстію своею и прахъ плоти твоея содержитъ. Благодареніе жъ Блаженному Богу за то, что все для насъ Онъ оставляетъ, и все для насъ трудное, кромѣ того, что̀ потребно, любезно и едино!

---

*) Даромъ, безплатно.

**) Эти слова Спаситель сказалъ Маріи, сестрѣ Лазаря, когда другая сестра Лазаря, Мареа, всѣ свои заботы и думы отдавала одному хозяйству.

Многія тѣлесныя необходимости ожидаютъ тебя, и не тамъ счастье: а для сердца твоего едино есть на потребу, и тамо—Богъ и счастье. Не далече оно, близъ есть, въ сердцѣ и душѣ твоей».

Такъ просто и такъ задушевно училъ правдѣ и добру этотъ замѣчательный странникъ-мудрецъ.

Константинъ Ивановичъ Тезиковъ,

астрономъ (1837—1900).

Константинъ Ивановичъ Тезиковъ,

астрономъ (1837—1900).

Пусть твой трудъ тяжелъ и черенъ—
Не печалься—не бѣда:
Ты не будешь опозоренъ
Долей честнаго труда!
Пусть земдистыя мозоли
Никогда не сходятъ съ рукъ!
Богатырской твердой воли
Это—добрый признакъ, другъ!
Это значитъ—ты съ нуждою
Храбро борешься весь вѣкъ,
Бѣлъ, какъ первый снѣгъ, душою,
Съ честнымъ сердцемъ человѣкъ.

Д. П. Вафлыгинъ.

Стояла лѣтняя пора. На землю спустилась одна изъ восхитительныхъ темныхъ ночей, когда небесная синева, какъ бы торжествуя побѣду надъ ночной тьмой, искрилась и сіяла при свѣтѣ необыкновенно яркихъ звѣздъ и прозрачной луны. Въ это время какой-то мальчуганъ, лѣтъ восьми, украдкой вышелъ за ворота одного изъ скромныхъ домиковъ. Быстрыми шагами направился онъ къ высокому холму, чрезъ рощу, раскинувшуюся по крутому его склону. Добравшись до вершины холма, усѣлся онъ здѣсь на каменномъ утесѣ.

Зачѣмъ въ этотъ неурочный часъ ночи явился сюда маленькій мальчикъ, одѣтый въ короткую куртку простого ремесленника? Побудила ли его на это какая-нибудь задуманная имъ ша-

лость? Собрался ли онъ тайкомъ полакомиться чужими плодами или же разставить сѣти и побаловаться какой-нибудь запрещенной охотой?— Нѣтъ. Ни блаженное выраженіе счастливо улыбающагося въ эту минуту личика этого ребенка, ни вдохновенный взоръ его не по лѣтамъ вдумчивыхъ глазъ не допускали предположенія, чтобы имъ задумано было что-нибудь предосудительное.

И вотъ, скрестивъ руки на груди, онъ съ неподвижностью статуи сидитъ на вершинѣ утеса. Но не внизъ устремленъ его взглядъ, не на безмолвныя поля, нивы и рощи, гдѣ лишь порой раздается вдали то пѣсня, то свирѣль пастуха. Глаза его смотрятъ вверхъ, на небесный сводъ, смотрятъ долго и пристально, словно утопая въ лазури воздушнаго пространства,—и весь онъ какъ бы окаменѣлъ въ своемъ восторженномъ созерцаніи... Онъ думаетъ о томъ, что̀ таится пока во мракѣ невѣдѣнія какъ для него, такъ и для большинства другихъ: онъ наблюдаетъ теченіе небесныхъ свѣтилъ, ихъ пути, движеніе въ небесномъ пространствѣ, и при этомъ спрашиваетъ себя:

— Нѣтъ-ли возможности изучить эти свѣтила, описать ихъ и распредѣлить по какимъ-нибудь отдѣламъ?

Послѣ того, какъ долго, не отрывая глазъ, вглядывался онъ въ небесную твердь, усѣянную милліонами звѣздъ разной величины,—онъ вдругъ опустилъ глаза на небольшую тетрадь, лежавшую

у него на колѣняхъ, и началъ медленно выводить на ней какіе-то знаки, чертить изображенія нѣкоторыхъ созвѣздій.

Такъ начинается жизнеописаніе французскаго ученаго, астронома Пьера Гассенди, жившаго болѣе трехъ сотъ лѣтъ до нашего времени. Эти же самыя слова, какъ нельзя лучше, подходятъ и къ русскому самоучкѣ-астроному Константину Ивановичу Тезикову, котораго, какъ и его знаменитаго товарища, Семенова, еще въ дѣтствѣ привлекало къ себѣ таинственное небо съ ярко горѣвшими на немъ свѣтилами. Эта страсть маленькаго Кости не покинула его и въ годы зрѣлости. Уже взрослымъ онъ часто въ темныя лѣтнія ночи уходилъ со своими друзьями-крестьянами въ поле, и тамъ, при помощи телескопа *), слѣдилъ за небесными свѣтилами. Онъ объяснялъ окружающимъ ихъ названія, свойства и движенія. Его рѣчи глубоко западали въ головы слушателей, изгоняли изъ нихъ разныя суевѣрія и забрасывали въ нихъ первыя сѣмена истиннаго знанія.

Константинъ Ивановичъ Тезиковъ родился въ селѣ Богородскомъ, Нижегородской губерніи Горбатовскаго уѣзда. Отецъ его былъ грамотнымъ, что̀ во время крѣпостного права считалось для крестьянъ большою рѣдкостью. Самому ему некогда было выучить сына грамотѣ, такъ какъ онъ былъ зава-

*) Такъ называется зрительная труба съ увеличительными и уменьшительными стеклами. Чрезъ нее хорошо видны далекіе предметы. См. выше, стр. 13.

ленъ работой—шитьемъ рукавицъ,—поэтому, когда сыну исполнилось восемь лѣтъ, отдалъ его въ ученіе къ дьячку. Но къ нему мальчикъ ходилъ не долго. Такъ какъ платить за ученіе было трудно, то отецъ самъ рѣшилъ учить сына. Дѣло пошло успѣшно. Понятливый мальчикъ на лету схватывалъ часто не особенно толковыя разъясненія отца и быстро ихъ усваивалъ. Черезъ годъ Костя научился довольно бѣгло читать всякія книги, а вскорѣ затѣмъ сталъ и писать. Конечно, на первыхъ порахъ ученье шло по церковнымъ книгамъ, причемъ больше всего читалась Библія.

Съ тринадцати лѣтъ Костя уже сдѣлался помощникомъ отца по рукавичному занятію. Семья Тезиковыхъ жила очень бѣдно, а тутъ еще ее постигло большое несчастіе: ночью, когда всѣ спали крѣпкимъ сномъ послѣ тяжелой работы, случился пожаръ. Родители Тезикова, онъ самъ и двѣ его маленькія сестры едва успѣли сами спастись отъ огня, все же имущество погибло въ пламени. Жить стало такъ трудно, что иногда приходилось собирать подаяніе. Но и среди этихъ несчастій стремленіе къ пріобрѣтенію знаній не покидало Тезикова. «Въ праздничные и воскресные дни,»—передаетъ онъ въ описаніи своей собственной жизни,—«горячо упражнялся я ариѳметическими задачами первой части четырехъ правилъ, а послѣ сталъ учить и вторую часть—дроби простыя, десятичныя и тройное правило. Тогда

еще много заинтересовала меня геометрія *). Попалась мнѣ какая-то старая книга, чужая—я рѣшился списать ее всю самъ и со всѣми чертежами и фигурами **). Просиживалъ я цѣлыя ночи въ трудѣ, да еще подъ тяжелымъ гнетомъ своего строгаго владѣльца-помѣщика. Когда шелъ мнѣ восемнадцатый годъ, онъ положилъ на меня оброку 24 рубля. Но Правитель судебъ не покинулъ меня въ полномъ невѣжествѣ, и хотя малой долей, какъ крестьянина, благословилъ меня. Много меня интересовало географическое положеніе нашего земного шара, какъ-то: всѣхъ его странъ, государствъ и народовъ, вѣроисповѣданій, почвенной производительности и царства животныхъ».

Слухи объ образованности Тезикова, которой удивлялись крестьяне Богородскаго, достигли, наконецъ, до помѣщика. Тогда послѣдній сдѣлалъ Константина Ивановича сельскимъ писаремъ въ одной изъ своихъ вотчинъ. Эта перемѣна жизни оказала на Тезикова очень благотворное вліяніе. Передъ его умственнымъ взоромъ открылись новыя области знаній, о которыхъ раньше онъ не смѣлъ даже и мечтать. Чрезъ вотчинную контору проходило для помѣщика много газетъ и журналовъ, не только русскихъ, но и иностранныхъ. Несмотря на приказаніе помѣщика, чтобы слуги не читали газетъ, Тезиковъ съ жаромъ набросился на нихъ.

---

*) «Геометрія» въ переводѣ на русскій языкъ значитъ «Измѣреніе земли», поверхности ея и разныхъ предметовъ.

**) Рисунками.

Чтеніе развернуло его умственный кругозоръ и побуждало его все къ большему и большему пріобрѣтенію знаній. Ему захотѣлось узнать, что̀ дѣлается въ чужихъ краяхъ, но для этого нужно было выучиться какому-нибудь иностранному языку.

И вотъ, онъ рѣшился изучить французскій языкъ. «Я купилъ самоучитель французскаго языка,»—пишетъ тамъ же Тезиковъ,—«французско-русскій словарь, и съ помощью оныхъ началъ почитывать легкія французскія книжки, только бы ихъ завидѣлъ. Мнѣ одинъ пріятель прислалъ изъ Казани французскую Библію съ картинами. Она мнѣ много сдѣлала пособія къ понятію французскаго языка и успѣшно приближала меня къ моей завѣтной цѣли». Цѣль же эта была—чтеніе французскихъ книгъ по астрономіи, такъ какъ на русскомъ языкѣ въ то время почти совсѣмъ не было доступныхъ для каждаго сочиненій по этому предмету. Впрочемъ, къ этому времени Тезиковъ отчасти успѣлъ познакомиться съ астрономіей: ему попалась въ руки какая-то книжка, написанная на русскомъ языкѣ. Прочитавъ ее, онъ цѣлыя ночи напролетъ проводилъ въ наблюденіяхъ надъ небесными свѣтилами, стараясь найти отвѣтъ на мучившіе его вопросы. При этомъ нужно замѣтить, что всѣ эти занятія Тезиковъ производилъ урывками, между дѣломъ по управленію хозяйствомъ помѣщика и подъ постояннымъ опасеніемъ, какъ бы не узналъ объ этомъ помѣщикъ, вообще не любившій грамотныхъ крестьянъ.

Но вотъ, наступило 19 февраля 1861 г., возвратившее свободу милліонамъ людей. Оно доставило большую радость и Тезикову, который до самой старости любилъ повторять стихотвореніе нашего поэта В. Г. Бенедиктова—«Великое дѣло», написанное по поводу уничтоженія крѣпостного права.

«Нѣтъ болѣе рабства!» Владыка сказалъ—
И царское слово пошло, загудѣло,
И тамъ, гдѣ былъ рабъ—*человѣкъ* тамъ возсталъ.
Великое слово! Великое дѣло!
Во храмѣ Господнемъ, въ виду алтаря,
При дымѣ кадилъ и молитвахъ народа,
Даримое людямъ устами Царя,
Гремитъ благодатное слово: свобода.
И принялъ народъ отъ Царя своего,
Въ смиреніи,—милость его безъ предѣла.
Бояре, содѣйствуйте жъ волѣ его,
Въ грядущемъ устройте Великое дѣло!
Не взрывъ своеволья, не дикая страсть
Здѣсь вольности призракъ являетъ народу:
Здѣсь любящимъ сердцемъ Державная власть
Покорному міру даруетъ свободу.
Встань, новая сила—для вольныхъ трудовъ!
Дай, Боже, чтобъ дивною жатвой созрѣли,
Торжественно шествуя въ роды родовъ—
Великое слово, Великое дѣло!

Теперь, когда исполнилось это великое дѣло для всѣхъ,—и Тезиковъ могъ уже свободнымъ человѣкомъ, ни кого не боясь, продолжать свое самообразованіе. «Съ уничтоженіемъ крѣпостной зависимости»,—пишетъ онъ,—«я началъ получать фран-

цузскія газеты. Въ 1878 году въ нихъ мнѣ пришлось встрѣтить объявленіе, что вышелъ въ Парижѣ первый выпускъ доступной для всѣхъ французской астрономіи Камилла Фламмаріона, которую я и получалъ въ теченіе двухъ лѣтъ (книга выходила постепенно, отдѣльными выпусками). Послѣ этого, такимъ же порядкомъ получилъ и вторую часть «Чудесъ неба». При этомъ изданіи я получилъ прилагаемое объявленіе отъ оптика *) Секретана о вновь поступившемъ въ продажу телескопѣ Фуко, засвидѣтельствованномъ и одобренномъ самимъ Фламмаріономъ въ важности его значенія, цѣной въ 250 франковъ **), который я на свои трудныя средства и получилъ ***). Къ этому инструменту восемь лѣтъ къ ряду я получалъ астрономическій ежемѣсячный французскій журналъ «Обзоръ Камилла Фламмаріона», выходящій въ Парижѣ изъ главнаго Международнаго Ученаго Комитета. Очень удовлетворительно разсматривалъ на нашей спутницѣ лунѣ освѣщенныя солнцемъ горы, а за ними черныя ихъ тѣни, глубокіе кратеры ****) съ нѣкоторыми по краямъ обвалами, впа-

---

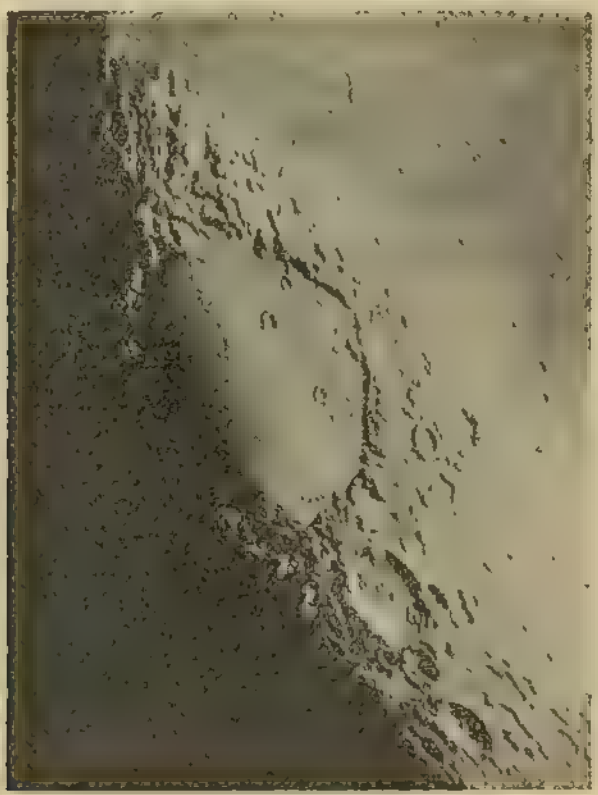
*) Мастеръ, который дѣлаетъ разные предметы изъ выпуклыхъ и вогнутыхъ стеколъ, напримѣръ, очки, зрительныя трубы, микроскопы, черезъ которые разсматриваются самые мелкіе предметы, и т. п.

**) Франкъ равняется 40 копейкамъ, слѣдовательно, Тезиковъ заплатилъ за телескопъ около 100 рублей.

***) Изображеніе этого именно телескопа имѣется на портретѣ Тезикова.

****) Кратерами называются большія круглыя отверстія, обыкновенно

динами и сѣдыми пространствами, называемыми морями». Кромѣ того, Тезиковъ разсматривалъ солнце, звѣзды и другія планеты. Средства для пріобрѣтенія книгъ онъ зарабатывалъ своимъ ре-



Моря, горы и кратеры на Лунѣ, видимые въ телескопъ.

месломъ — рукавичнымъ дѣломъ, такъ какъ теперь оставилъ службу въ конторѣ помѣщика.

Изъ астрономическихъ сочиненій, болѣе всего интересовали Тезикова сочиненія Фламмаріона, съ которымъ онъ находился въ перепискѣ. Из-

---

открывающіяся на вершинахъ огнедышащихъ горъ, или вулкановъ. Черезъ нихъ изъ глубины земли выходитъ лава во время изверженія этихъ огнедышащихъ горъ.

вѣстный французскій ученый, конечно, не могъ достаточно надивиться, какъ это русскій крестьянинъ, никогда не бывшій въ школѣ, самостоятельно выучился французскому языку лишь для того, чтобы изучать любимую имъ науку.

Въ чистенькой избѣ Тезикова стояли шкафы съ разными журналами и книгами Фламмаріона, на французскомъ языкѣ. Пользуясь этими книгами, а также собственными наблюденіями, онъ всегда могъ безошибочно опредѣлить, когда наступитъ солнечное или лунное затменіе, по какому направленію пойдетъ одна звѣзда или другая и т. д. За эти знанія, русскаго крестьянина избралъ своимъ членомъ Нижегородскій Астрономическій кружокъ, основанный въ память другого выходца изъ народа—Кулибина.

Но Тезиковъ не только стремился къ самообразованію, обогащалъ имъ не одного себя, но заботился о просвѣщеніи и другихъ, оказывая на нихъ огромное вліяніе. Около него въ Богородскомъ составился цѣлый кружокъ крестьянъ, которые съ восхищеніемъ слушали его бесѣды или сами занимались подъ его руководствомъ наблюденіями надъ небесными свѣтилами. «Всѣ они вообще съ великимъ удовольствіемъ всматриваются въ звѣздное небо»,—разсказываетъ Тезиковъ о своей просвѣтительной дѣятельности въ одномъ изъ писемъ,—«очень восхитительно пользуются такими минутами, когда бываютъ ясные вечера, и всѣ звѣзды хорошо видны, спрашиваютъ о при-

чинѣ дивныхъ явленій. И вотъ, вдругъ они усматриваютъ на нашей спутницѣ лунѣ, вмѣсто Каина и Авеля *),—цѣлые хребты горъ, возвышенности кратеровъ, ихъ углубленія и сѣдыя пространства, называемыя морями. Видятъ они тамъ

Общій видъ Луны.

всѣ высоты, освѣщенныя солнцемъ, а за ними—распространяющіяся черныя и неровныя тѣни, постоянно измѣняющіяся. Тутъ не бываетъ никакихъ противорѣчій, даже за исключеніемъ та-

*) По народному повѣрью, первое братоубійство на землѣ показалось ужаснымъ не только Адаму и Евѣ, но и животнымъ, и даже неодушевленнымъ предметамъ. И вотъ, на лунѣ отразилось это первое на землѣ преступленіе. Двѣ длинныя тѣни на лунѣ (на самомъ дѣлѣ—цѣпи горъ) народъ принимаетъ за фигуры Каина, убивающаго брата своего Авеля.

кихъ упорныхъ невѣждъ, о которыхъ не стоитъ и вести рѣчи. Бываютъ ко мнѣ вопросы о солнечныхъ и лунныхъ затменіяхъ: отчего все это происходитъ? Есть темные люди, которые думаютъ, что свѣтила закрываютъ какіе-то колдуны, владѣющіе какими-то таинственными духами. Напротивъ этого, имъ разсказываешь, что когда солнце, луна и земля становятся на одной линіи, то тогда или луна проходитъ между солнцемъ и землей, закрываетъ собой солнце, или же земля становится между солнцемъ и луной и затмеваетъ собою послѣднюю. Въ доказательство сего берешь зажженную лампу и производишь передъ ними подобные примѣры. Такимъ средствомъ они приходятъ къ понятію».

Изъ этого видно, какую пользу приносилъ Тезиковъ темной деревнѣ, правильно объясняя ея обитателямъ разныя небесныя явленія и уничтожая невѣжество и суевѣрія. Далѣе онъ возмущается еще другими повѣрьями, которыя такъ сильно распространены среди крестьянъ. «Немало еще бываетъ глупой болтовни при видѣ падающихъ звѣздъ, или «метеоровъ», такъ что во время такихъ явленій нѣкоторые осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ, подразумѣвая при этомъ летающихъ какихъ-то змѣй и злыхъ духовъ, являющихся къ душевно-больнымъ людямъ въ образѣ умершихъ родственниковъ и пріятелей, принося съ собой яко-бы какіе-то подарки. Противъ такой ихъ глупости и отвратительныхъ выдумокъ говоришь имъ,

что это летаютъ не змѣи и не злые духи. Это падаютъ изъ надъ-воздушныхъ пространствъ камни, или, какъ называютъ ихъ въ астрономіи,—«аэролиты», которые во многихъ мѣстностяхъ находятся и у насъ въ Россіи и берутся на сохраненіе, какъ рѣдкости».

Своими бесѣдами съ крестьянами Тезиковъ, какъ и слѣдовало ожидать, оказывалъ на нихъ громадное вліяніе, поселяя въ нихъ уваженіе и любовь къ знанію. А любовь къ знанію и вѣру въ науку онъ сумѣлъ передать и своимъ слушателямъ. Его небольшая комната походила на аудиторію, т. е. на учебную комнату въ университетѣ или въ другомъ высшемъ учебномъ заведеніи, а онъ самъ—на профессора, словамъ котораго жадно внимали и молодые безусые парни и почтенные сѣдые бородачи. Всѣхъ этихъ людей влекло къ нему стремленіе къ истинному пониманію міра Божьяго. Среди нихъ нашлись даже такіе, которые принялись за изученіе французскаго языка. Тезиковъ являлся для нихъ какъ бы лучомъ, неожиданно попавшимъ въ глубокую мрачную яму, обитатели которой никогда не слыхали ни о солнцѣ, ни о свѣтѣ, ни о теплѣ. Онъ объясняетъ своимъ слушателямъ, какъ земля движется вокругъ солнца, которое стоитъ на мѣстѣ, объясняетъ имъ, что такое звѣзды, туманныя пятна на небѣ, а особенно—туманность Оріона *), которая, какъ самъ онъ

*) Нѣсколько звѣздъ въ видѣ удлиненнаго креста на южномъ небосклонѣ составляютъ очень красивое созвѣздіе «Оріона», а вблизи него находятся цѣлыя кучи звѣздъ—«плеяды».

выражается, «потрясаетъ всякій умъ и невольно возвышаетъ душу къ Богу, Создателю всей вѣчности». Не мудрено, что смерть Тезикова повліяла на нихъ очень глубоко.

— «Трудно жить намъ»,—говорилъ одинъ крестьянинъ, пріятель Тезикова, когда Константина Ивановича уже не было въ живыхъ.—«Негдѣ собираться, не у кого учиться».

И это огромное просвѣтительное вліяніе оказалъ на крестьянъ не какой-нибудь образованный человѣкъ, а простой же крестьянинъ, который, благодаря своей любознательности и настойчивости, сумѣлъ и самъ выбиться къ свѣту, и зародить стремленіе къ нему въ другихъ. Въ настоящее время, послѣ уничтоженія крѣпостного права, такихъ людей будетъ, конечно, больше, но раньше каждому изъ нихъ приходилось тяжело. Теперь можно повѣрить вѣщимъ словамъ поэта:

Вѣковѣчный застой разбивается:
Будетъ грамотенъ русскій народъ.
А гдѣ въ небѣ заря занимается,—
Тамъ и красное солнце взойдетъ...

А раньше было совершенно иное. О такихъ-то людяхъ часто думалъ Тезиковъ. Приведемъ нѣкоторыя мысли его о русскихъ «самоучкахъ», выраженныя, правда, довольно вычурно, но въ то же время поражающія своей вѣрностью и глубиной. «Очень интересно»,—пишетъ онъ въ одномъ письмѣ, —«видѣть пламенное стремленіе и справед-

ливую заботливость, какъ говорится, выводить изъ тьмы чистую правду и поставлять ее на свѣтъ Божій, дать нѣсколько понять просвѣщенному и непросвѣщенному человѣчеству, сколько у насъ безслѣдно пропадаетъ въ неизвѣстности разныхъ общеполезныхъ мыслителей, затерянныхъ въ грязныхъ трущобахъ человѣческаго невѣжества, подавленныхъ тяжкимъ гнетомъ труда. Поэтому каждый благомыслящій человѣкъ очень легко поймeтъ, правдиво оцѣнитъ и будетъ благодаренъ за такую работу въ пользу народнаго образованія. Помоги Богъ распространять ученый свѣтъ и истину, высвободить на свѣтъ, насколько возможно, маленькихъ и лишенныхъ просвѣщенія людей еще съ неразвитымъ дарованіемъ, подобно золоту, не очищенному въ горнилѣ! Можетъ быть, и они нѣсколько могутъ послужить добрымъ примѣромъ для дальнѣйшаго развитія наукъ въ сельскомъ простонародномъ сословіи. Неужели Духъ Божій лишилъ крестьянина высшихъ даровъ Своихъ? Неужели Его святая воля не управляетъ надъ нимъ Своими вѣчными законами? Неужели душа и сердце крестьянина не способны воспринимать въ себя небесную силу Премудрости?—Нѣтъ, это никогда быть не можетъ: эта Всеуправляющая Сила раздѣляетъ дары свои не по богатству, не по славѣ и не по земному какому-нибудь величію, а по опредѣленному порядку. Сколько было въ минувшихъ вѣкахъ великихъ умовъ—астрономовъ, поэтовъ, историковъ и другихъ знаменитыхъ лю-

дей,—но всѣ ли они были знатныхъ родовъ и семействъ? Можетъ быть, нѣкоторые и были, но преимущественно большая часть изъ нихъ происходила отъ бѣдныхъ и безславныхъ родителей. Въ нашемъ селѣ есть много изъ жителей людей богатыхъ, торговыхъ, но никого изъ нихъ нѣтъ способнаго разсуждать о небѣ, о звѣздахъ, о нашей земной планетѣ, о внутреннихъ силахъ, о происхожденіи всѣхъ родовъ животныхъ и растеній. Но есть вокругъ меня изъ крестьянъ также люди небогатые, какъ и я. Существуютъ они своимъ личнымъ трудомъ, но довольно заняты распознаваніемъ наукъ неба, земли и всѣхъ силъ вѣчнаго міросданія».

Такимъ образомъ, главнымъ средствомъ для «самоучки» выбиться къ свѣту Тезиковъ считаетъ сочувствіе образованныхъ людей, которые много помогли бы своими совѣтами. Особенно въ такомъ сочувствіи нуждаются «самоучки» въ настоящее время, пока мало школъ, которыя положили бы прочное основаніе дальнѣйшему самообразованію. Безъ такого же основанія, безъ такихъ первоначальныхъ знаній, какія можетъ дать только школа, даже такой человѣкъ, какъ Тезиковъ, обладавшій огромными природными дарованіями и способностями, въ совершенствѣ изучившій астрономію,—навсегда остался не болѣе, какъ только любителемъ науки. И все же къ нему можно примѣнить восторженныя и правдивыя слова поэта:

Честь тому, кто глубь земли
Тяжкимъ заступомъ копаетъ;
Кто трудится для семьи,
Хлѣбъ насущный добываетъ;
Кто надъ плугомъ льетъ свой потъ;
Кто слугой у господина
Ношу тяжкую несетъ
Для жены своей, для сына.
Честь и слава ихъ трудамъ!

Изданія Училищнаго при Святѣйшемъ Сунодѣ Совѣта.

I. Учебныя руководства и пособія.

1) Евангеліе на слав. яз. въ бум. 20 к.—**2) Краткій** молитвословъ на слав. яз., въ бум. 4 к.—**3) Псалтирь учебная,** въ бум. 25 к.—**4) Часословъ учебный для начальныхъ сельскихъ училищъ,** въ бум. 20 к.—**5) Октоихъ,** сирѣчь осмогласникъ учебный, обдержай воскресную службу осьми гласовъ, въ бум. 20 к.—**6) Церковно-славянская азбука.** Руководство для церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты. Сост. *Н. И. Ильминскій.* книжка первая, для учителей, въ бум. 12 к.; книжка вторая, для учениковъ, въ бум. 8 к.—**Двѣ таблицы буквъ** къ азбукѣ, 5 к.—**7) Обученіе церковно-славянской грамотѣ** въ церковно-приходскихъ школахъ и начальн. училищ. съ примѣрами для чтенія изъ Св. Писанія и изъ молитвъ и съ объяснен. для учителей. Сост. *Н. И. Ильминскій.* Книжка первая, для учителей, въ бум. 15 к.; книжка вторая для учениковъ, ц. въ бум. 20 к.—8) *Тернавцевъ В.* **Наша школа.** Годъ первый. Букварь и первое чтеніе, ц. 30 к. Книга вторая для чтенія, ц. 25 к.—9) *Кл. Лукашевичъ.* **Сѣятель.** Азбука и первое чтеніе, ц. 25 к.—10) Ея же. **Сѣятель.** Первая послѣ азбуки книга для чтенія, ц. 35 к.—11) Ея же. **Сѣятель. Второй годъ обученія,** ц. въ бум. 40 к.—12) *Ея же.* **Сѣятель.** Третій (и четвертый) годъ обученія, ц. 60 к.—13) *Крупская М.* **Букварь,** ц. 12 к.—14) *Н. Ѳ. Одинцовъ* и *В. С. Богоявленскій.* **Книга вторая для чтенія въ церковно-приходскихъ школахъ,** въ бум. 35 к., въ пер. 45 к.—15) *М. Нарскій.* **Ручеекъ.** Книжка для чтенія ц. 40 к. 16) Его же. **Ручеекъ.** Букварь. ц. 7 к. 17) **Начальные уроки по Закону Божію.** *П. С.* въ бум. 5 к.—18) **Историческія чтенія** изъ книгъ Ветхаго Завѣта (на рус. яз.), въ бум. 15 к.—То же, на слав. яз., ц. въ бум. 20 к.—19) **Начатки христіанскаго ученія,** ц. 6 к.—20) Прот. *П. Смирновъ.* **Наставленіе въ Законѣ Божіемъ,** въ бум. 15 к., въ пер. 25 к.—21) Еписк. *Агаѳодоръ.* **Наставленіе въ Законѣ Божіемъ,** ц. 15 к.—22) **О богослуженіи православной Церкви.**—Епископа *Гермогена,* въ бум. 20 к.—23) *Титовъ Ѳ.,* прот. **Отечественная исторія** церковная и гражданская, ц. 80 к.—24) **Обиходъ** учебный нотнаго пѣнія употребительныхъ церковныхъ распѣвовъ, ц. 60 к.—25) **Краткое руководство** къ первоначальн. изученію **церковнаго пѣнія** по квадратной нотѣ. Сост. *Д. Н. Соловьевъ,* въ бум. 25 к.—26) **Азбука** хорового пѣнія, съ практическими упражненіями и краткою христоматіею. Сост. *Д. Н. Соловьевъ,* въ бум. 50 к.—27) *Касторскій.* **Первыя ступени обученія пѣнію,** ц. 20 к.—28) *Цвѣтковъ.* **Методическія замѣтки** о рѣшеніи ариѳметическихъ задачъ и новая систематизація задачъ, ц. 15 к.—29) Его же. **Методическій сборникъ** ариѳметическихъ примѣровъ и задачъ. Первый годъ обученія, ц. 10 к. Второй годъ—ц. 15 к. Третій годъ—ц. 10 к.—30) **Русскія прописи** для церковно-приходскихъ школъ, ц. 10 к.—31) **1001 задача для умственнаго счета.** Пособіе для учителей сельскихъ школъ. Сост. *С. А. Рачинскій.* Спб. 1899, въ бум., ц. 15 к.—32) **Программы для школъ:** а) церковно-приходскихъ, ц. 15 к., б) второклассныхъ, ц. 20 к. и в) церковно-учительскихъ, ц. 25 к.—33) **Правила и программы** испытаній по духовному вѣдомству на званіе учителя или учительницы одноклассной церковно-приходской школы въ бум., ц. 5 к.—34) *Михалевъ,* свящ. **Диктанты,** ц. 25 к. 35) **Правила для церковно-учительской школы,** ц. 5 к. 36) **Правила для второклассной школы,** ц. 5 к. 37) **О мѣрахъ къ улучшенію** учебно-воспитательнаго дѣла въ инородческихъ ц.-пр. школахъ, ц. 5 к.

II. Книги для внѣ-класснаго чтенія.

38) **Училище благочестія** или примѣры христіанскихъ добродѣтелей, выбранные изъ житій святыхъ. Съ 18 рис., исполненными художникомъ *А. В. Серебряковымъ.* Спб. Стр. 1—550, въ бум. 90 к.—39) Изъ твореній св. Василія Великаго, архіепископа Кесаріи Каппадокійской. **Правила богоугодной жизни.** Въ новомъ переводѣ съ греческаго. Съ приложеніемъ краткаго жизнеописанія св. Василія, Спб. 1900. Стр. 1—152, въ бум. 30 к.—40) **Поученія и слово** въ недѣлю Ѳомину.—Протоіерея *І. И. Сергіева.* Спб. 1900. Стр. 1—20, въ бум. 5 к.—41) **Слова и поученія** въ недѣлю о слѣпомъ. Его же. Спб. 1903, стр. 1—15, въ бум. 5 к.—42) **Слова и поученія** въ недѣлю святыхъ женъ мироносицъ. Его же. Спб. 1903. Стр. 1—17, въ бум. 5 к.—43) **Слова и поученія** въ недѣлю о самаряныни. Его же. Спб. 1903. Стр. 1—24, въ бум. 5 к.—44) **Слова** въ недѣлю святыхъ отецъ. Его же. Спб. 1903. Стр. 1—26, въ бум. 5 к.—45) **Слова** въ недѣлю о разслабленномъ. Его же. Спб. 1903. Стр. 1—10, въ бум. 5 к.—46) **Бесѣды** о блаженствахъ Евангельскихъ. Его же. Спб. 1899. Стр. 1—79, въ бум. 15 к.—47) **Бесѣды** о Богѣ, Творцѣ и Промыслителѣ міра. Его же. Спб. 1900. Стр. 1—149, въ бум. 20 к.—48) **Св. Игнатій** Богоносецъ 6 к.—49) **Св. Поликарпъ,** епископъ Смирнскій, 6 к.—50) **Св. Іустинъ** Философъ, 6 к.—51) **Св. Поѳинъ** и Ліонскіе мученики. 4 к.—52) **Св. Кипріанъ,** епископъ Карѳагенскій. 8 к.—53) Святые

епископы: **Петръ Александрійскій и Меѳодій Тирскій**, 8 к.—54) Святый великомученикъ **Георгій**, 6 к.—55) **Фабіола или катакомбы.** Сочин. кардинала *Уайзмена.* Переводъ съ англійскаго. Ц. 60 к.—56) *Иннокентій,* арх. Херсонскій. **Послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа**, ц. 60 к.—57) Его же. **Первая седмица Великаго поста**, ц. 25 к.—58) Его же. **Молитва святаго Ефрема Сирина.** 15 к.—59) Его же. **Страстная седмица Великаго поста**, ц. 35 к.—60) Его же. **Свѣтлая седмица**, ц. 30 к.—61) **Краткое сказаніе о жизни и трудахъ св. славянскихъ учителей Кирилла и Меѳодія.** Съ рис. и нотн. перелож. тропаря и кондака. Сост. *Х. Поповъ,* 5 к.—62) **Насажденіе православной христіанской вѣры въ Россіи** (980—1200 г.) Спб. 1898. Стр. 1—102. 25 к.—63) **Бесѣды по русской исторіи.** Книга для чтенія въ школѣ и дома. Изданіе третье. Спб. 1899. Стр. 1—449. 60 к.—64) **Боярин Лукьянъ Степановичъ Стрѣшневъ** (Филаретъ Милостивый на Святой Руси). Прот. *М. И. Хитрова.* 15 к.—65) *Гречулевичъ.* **Праздники Богородичные.** Ц. 12 к.—66) **Приключенія Оливера Твиста.** Соч. *Дикенса.* Перев. съ англійск. школьн. изданія. Ц. 40 к.—67) **Сельская школа.** Сборникъ статей *С. А. Рачинскаго.* Изданіе 5-е. Спб. 1902 г. Стр. 1—371, въ пер. Ц. 1 р.—68) *Рачинскій, С. А.* **Школьный походъ въ Нилову пустынь.** Ц. 15 к.—69) *Черепнинъ, Н.* **Объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.** Ц. 12 к. 70) *Вадковскій, С.* **Бесѣды о пользѣ пчеловодства.** Ц. 8 к.—71) **Избранныя сочиненія** *В. А. Жуковскаго.* Ц. 45 к.—72) **Мысли о воспитаніи и ученіи.** Спб. 1898. Ц. 5 к.—73) **Школьная библіотека** и ея порядки (со списками книгъ для библіотекъ церковно-приходскихъ школъ). 3 к.—74) **Сборникъ методическихъ разъясненій.** Ц. 60 к.—75) *Загоскинъ.* **Юрій Милославскій.** Ц. 50 к.—76) Его же. **Кузьма Рощинъ.** Ц. 15 к.—77) Его же. **Брынскій лѣсъ.** Ц. 35 к.—78) Его же. **Русскіе въ началѣ XVIII столѣтія.** Ц .35 к.—79) *Козловъ.* **Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая.** Ц. 7 к.—80) *Фонвизинъ.* **Недоросль.** Ц. 12 к.—81) *Загоскинъ.* **Кузьма Петровичъ Мирошевъ.** Ц. 50 к.—82) Его же. **Рославлевъ или русскіе въ 12-мъ году.** Ц. 50 к.—83) **Уроки и примѣры христіанской вѣры, надежды и любви.** Протоіерея *Г. Дьяченко.* Ц. 5 р.—84) *Завьяловъ.* **Римскія катакомбы.** Ц. 80 к.—85) Его же. **Гоненіе на христіанъ при Діоклитіанѣ.** Ц. 1 р. 30 к.—86) Свящ. *К. Ивановскій.* **Преподобный Серафимъ Саровскій.** Ц. 45 к.—87) То же, сокр. изд. Ц. 10 к.—88) *Поповъ А.* **Сборникъ духовныхъ стихотвореній.** Ц. 35 к.—89) Его же. **Императоръ Александръ III**, ц. 80 к.—90) *Д. И. Троицкій.* Домонгольская Русь, ц. 1 р.—91) Его же. **Русь въ монгольскій періодъ**, вып. I, ц. 50 к.—92) *Хитровъ, М.* прот. **Годъ православнаго христіанина.** Ц. 50 к.—93) *Арсеньева, С.* **Разсказы изъ русской исторіи. Царствующій домъ Романовыхъ.** Вып. I. Ц. 60 к.—94) То же. Вып. II. Ц. 60 к.—95) То же. Вып. III. Ц. 60 к.—96) То же. Вып. IV. Ц. 60 к.—97) То же. Вып. V, ц. 60 к.—98) То же. Вып. VI, Ц. 60 к.—99) То же. Вып. VII, Ц. 60 к.—100) Ея же. **Разсказы изъ исторіи западныхъ окраинъ Россіи.** Вып. I. Ц. 60 к.—101) То же. Вып. II. Ц. 60 к.—102) То же. Вып. III. Ц. 60 к.—103) То же. Вып. IV. Ц. 60 к.—104) То же. Вып. V. Ц. 60 к.—105) То же. Вып. VI. Ц. 60 к.—106) Свящ. *К. Ивановскій.* **О христіанскомъ воспитаніи.** Ц. 20 к.—107) *Введенскій, Д.* **За счастье дѣтей.** (Вопросы христіанскаго воспитанія), Ц. 1 р.—108) Его же. **Небесныя звѣздочки**, ц. 80 к.—109) *Ельницкій, К.* **Привычки, ихъ значеніе и воспитаніе.** Ц. 10 к.—110) *Анастасіевъ А.* **Религіозно-нравственное воспитаніе въ начальной школѣ.** Ц. 30 к.—111) **Очеркъ просвѣтительной дѣятельности** *Н. И. Ильминскаго.* Ц. 20 к.—112) *Маляревскій І.* **Замѣтки о преподаваніи по новой программѣ одноклассной церковно-приходской школы.** Ц. 18 к.—113) *Воронова Е.* **Школа въ Алуштѣ.** Ц. 25 к.—114) *Крестьянполь П.* **Руководственныя указанія по черченію.** Ц. 30 к.—115) *К. Лукашевичъ.* **Кирюша юродивый и Бѣлогрудка**, ц. 15 к.—116) Ея же. **Бѣднота**, ц. 15 к.—117) **Старый Панфилычъ**, ц. 15 к.—118) **Тихонъ Михайловичъ**, ц. 20 к.—119) **Завѣтное окно**, ц. 12 к.—120) **Изъ жизни бѣдняковъ**, ц. 20 к.—121) *Бахтіаровъ А.* **Исторія первой печатной книги**, ц. 30 к.—122) Его же. **Какъ дѣлаютъ стекло и фарфоръ**, ц. 25 к.—123) *Я. И. Рудневъ,* **Очерки странъ и народовъ Азіи**, вып. I, ц. 40 к.—124) Его же. Вып. II, ц. 70 к.—125) *Виренiусъ.* **Куреніе табака**, ц. 10 к.—126) Его же. **Спиртные напитки**, ц. 12 к.—127) *Соловьевъ-Несмѣловъ Н.* **Первый день Рождества**, ц. 10 к.—128) Его же. **Абросимычъ**, ц. 10 к.—129) Его же. **Скрипачъ**, ц. 12 к.—130) Его же. **Панкратъ**, ц. 10 к.—131) Его же. **Савельичъ**, ц. 8 к.—132) Его же. **Настя**, ц. 10 к.—133) Его же. **Подъ снѣгомъ и метелицей**, ц. 12 к.—134) Его же. **Христа ради**, ц. 10 к.—135) Его же. **Христославы**, ц. 8 к.—136) Его же. **Въ степи**, ц. 10 к.—137) *Поселянинъ.* **Святыя дѣти и дѣтскіе годы русскихъ святыхъ**, ц. 30 к.—138) *С. Аксаковъ.* **Избранныя сочиненія. Аленькой цвѣточекъ**, ц. 5 к.—139) Его же. **Изъ записокъ ружейнаго охотника**, ц. 7 к.—140) Его же. **Семейная хроника**, ц. 25 к.—141) Его же. **Дѣтскіе годы Багрова внука**, ц. 40 к.—142) *Прот. І. Восторговъ.* **Императоръ Александръ III**, ц. 7 к.—143) Его же. **Можно ли христіанину быть соціалистомъ?** ц. 3 к.—144) Его же. **Доброе слово православно-русскому народу по поводу современныхъ событій**, ц. 10 к.—145) **Карта Палестины**, накл., лакированная, ц. 1 р. 30 к., нелакированная, ц. 1 р. 20 к.; то же, карта ненаклеенная 60 и 50 к.;—146) **Карта древняго міра**, накл., лакирован. ц. 3 р. 20 к., нелакирован., ц. 3 р.—147) *Мятлева Т.* **Подводный міръ**, ц. 55 к.—148) Ея же. **Язычество и христіанство**, ц. 25 к.—149) *Андреевская В.* **Золотой крестикъ**, ц. 20 коп.

2007112000